

Избирательные системы и проблемы консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах

Чепель Сергей Львович

Канд. истор. наук, доцент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

E-mail: ChepelSL@mpei.ru

Спад демократической волны, выразившийся в делиберализации большей части «новых демократий», является одной из наиболее значимых тенденций развития политических процессов в мире в первое десятилетие XXI в. Однако как показала практика демократических переходов, существенную роль в процессе консолидации демократии может сыграть институциональная структура политики, ключевым элементом которой является избирательная система. С теоретической точки зрения наиболее предпочтительными для решения задачи консолидации «новых демократий» выглядят избирательные системы, основанные на пропорциональном принципе, которые способствуют развитию политических партий, расширению представительности системы правления, укреплению гражданской политической культуры и чувств национального единства. Напротив избирательные системы, базирующиеся на принципе большинства, сдерживают развитие политических партий, блокируют представительство интересов меньшинств, ослабляют национальную идентичность. Практика демократических переходов в посткоммунистических странах Европы и Евразии в основном подтверждает выдвинутое предположение о влиянии типа избирательной системы на динамику процесса консолидации «новых демократий». Значительная положительная корреляция обнаруживается между формированием парламента на основе пропорциональной системы с партийными списками и устойчивой демократизацией, применением смешанной избирательной системы и неустойчивой демократизацией, использованием мажоритарной двухтуровой системы и неудавшейся демократизацией. Объяснением выявленных корреляций служит тот факт, что успех консолидации «новых демократий» во многом обусловлен силой парламента, способных контролировать и ограничивать исполнительную власть. Сравнительный анализ процессов демократизации в посткоммунистических странах выявляет отчетливую тенденцию повышения политического влияния парламента по мере расширения действия принципа пропорциональности при их формировании. При всей значимости типа избирательной системы как фактора, влияющего на результаты демократических переходов, его действие следует признать ограниченным. Прежде всего, выбор избирательной системы и степень её воздействия на процесс консолидации «новых демократий» являются отражением специфики политических культур демократизирующихся стран.

Ключевые слова: избирательная система, партийная система, посткоммунистические страны, «третья волна» демократизации, нелиберальная демократия, демократический переход, консолидация демократии.

Electoral Systems and the Problems of Consolidation of «New Democracies» in Post-Communist Countries

Sergey L. Chepel

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Political Science Department, Financial University under the Government of the Russian Federation»

E-mail: ChepelSL@mpei.ru

The decline of the democratic wave which has been manifested in the de-liberalization of the larger part of “new democracies” constitutes one of the most important trends in the global political processes in the first decade of the XXI century. Meanwhile the practice of democratic transition demonstrates that political institutional structure and an electoral system as its key element may acquire great significance in the consolidation of democracy. From the point of view of political theory, the consolidation of “new democracies” can be preferably accomplished with the help of electoral systems based on the principle of proportional

representation. This type of electoral systems promotes the development of political parties, contributes to the representative form of government and encourages the growth of civil political culture and feelings of national unity. As far as electoral systems based on the principle of majority representation are concerned they, on the contrary, cumber the representation of the interests of minorities and weaken the national identity.

The realities of the democratic transition in post-communist countries of Europe and Eurasia confirms the author's hypothesis about the significance of the type of electoral systems and its impact on the dynamics of consolidation of "new democracies. There exists a meaningful positive correlation between, firstly, forming a parliament with the use of the proportional representative system with party poll lists and stable democratization; secondly, between the mixed system and unstable democratization; and thirdly, between the majority two-round system and failed democratization. The above noted correlations point to the fact that the success of consolidation of "new democracies" is mostly dependent on the force of the parliament which has the power to control and restraint the executive branch. The comparative analysis of democratization processes in post-communist countries makes clear an apparent tendency towards increasing the political influence of parliaments in proportion with more widely use of the principle of proportional representation during nation-wide elections to legislature. Nevertheless, the significance of the type of electoral systems which defines the results of transition to democracy should be acknowledged to be limited. Moreover, the choice of the type of an electoral system and hence the degree of its impact on the process of consolidation of "new democracies" have always been the reflection of political culture specifics in the countries that have taken the course of democratization.

Keywords: electoral system, party system, post-communist countries, "the third wave" democratization, non-liberal democracy, the transition to democracy, the consolidation of democracy.

Одной из наиболее значимых тенденций развития политических процессов в мире в первое десятилетие XXI в., несомненно, является спад демократической волны, выразившийся в делиберализации многих «новых демократий», для которых попытка перехода к открытому обществу стала трудным испытанием, полным глубоких разочарований. «Теперь, когда будущее новых режимов кажется менее предсказуемым, — заметил по этому поводу Ф. Шмиттер, — привлекательность общей цели уступила место осознанию не только того, что консолидация демократии является гораздо более трудной задачей, чем переход от автократии к демократии, но и того, что не все общепризнанные демократические серферы стремились приплыть на один и тот же пляж» [15].

На первый взгляд, прогресс демократии в мире за последние четыре десятилетия выглядит весьма впечатляющим. По оценкам FreedomHouse, с 1972 по 2012 г. число свободных стран выросло с 43 до 90, частично свободных — с 38 до 58, а число несвободных стран сократилось с 69 до 47. Соответственно, доля свободных стран в мире увеличилась с 29 до 46%, частично свободных — с 25 до 30%, а доля несвободных стран уменьшилась с 46 до 24%¹. Действительно, в этот исторический период в странах Латинской Америки, Восточной и Юго-Восточной Азии были свергнуты жестокие авторитарные режимы, в Восточной Европе и на постсоветском пространстве прекратили существование мобилизационные идеологические диктатуры, на африканском континенте

были ликвидированы остатки колониальной системы и начат процесс политической либерализации. В странах, не вступивших на путь демократизации, усилилось давление на власть реформаторских движений, требующих политических перемен. В атмосфере нарастающего «демократического оптимизма» появился и вошел в политологический лексикон тезис о «конце истории» как неизбежной победе «всемирной либеральной революции», выдвинутый в начале 1990-х гг. Ф. Фукуямой, по мнению которого «рост либеральной демократии вместе с ее спутником, экономическим либерализмом, является самым удивительным политическим феноменом последних четырехсот лет» [1].

Однако уже с середины 1990-х гг., по сравнению с периодом 1980-х гг., темпы демократической волны заметно снизились, а в первое десятилетие XXI в. стали проявляться признаки, свидетельствующие об ее спаде. Прежде всего, это отсутствие в период 2002–2012 гг. роста доли свободных стран, которая зафиксировалась на уровне 46%, расширение доли частично свободных стран с 29 до 30% и незначительное сокращение доли несвободных стран — с 25 до 24%². Среди участников «третьей волны» в соответствии с индексом политических прав и гражданских свобод «Дома свободы» (Freedom House Index — FHI), в 2005–2007 гг. насчитывалось 39 стран устойчивой демократизации со средним баллом FHI не выше 2,5; 31 страна неустойчивой демократизации со средним баллом FHI не выше 4 и 20 стран

¹ Freedom House <https://www.freedomhouse.org>

² Там же.

неудавшейся демократизации со средним баллом FNI выше 5 [2]. Таким образом, в начале XXI в. большая часть «новых демократий», столкнувшись с препятствиями на пути консолидации, обратилась к использованию модели «нелиберальной демократии», отмеченной в каждом отдельном случае более или менее выраженными чертами авторитарности. В целом, для таких политических режимов характерно ограничение деятельности политической оппозиции и структур гражданского общества, создание партийных систем с преобладанием пропрезидентской партии, использование административного ресурса в ходе избирательных кампаний, усиление исполнительной власти за счет ослабления парламентов, стремление избранных президентов продлить сроки пребывания на своем посту. В связи с этим нельзя не согласиться с Т. Карозерсом, который, констатируя глубокий спад «третьей волны», призвал транзитологов признать то, «...что часто считается какой-то нестабильной и неудобной промежуточной зоной между полноценной демократией и открытой диктатурой, в действительности сегодня является наиболее типичным состоянием стран в развивающемся и в посткоммунистическом мире» [3].

Очевидно, что препятствием консолидации большинства «новых демократий» выступает ряд структурных факторов, определивших ограниченный культурно обусловленный спрос на политическую свободу. Тем не менее не следует забывать о существенном влиянии институциональной организации политики в деле формирования той политической культуры общества, которая благоприятствовала бы укоренению демократических режимов в поставитарных и посткоммунистических странах. «Возникает вопрос, — писал Г. Алмонд, обращая внимание на взаимовлияние политической культуры и политических структур, — является ли удовлетворенная и демократическая общественность порождением демократии или же наличие соответствующей политической культуры ведет к появлению демократической политической системы? Безусловно, взаимосвязь здесь двоякого рода» [4]. Иными словами, даже в тех обществах, где к моменту распада диктатуры объективные предпосылки демократизации были выражены слабо, выбор проекта конструирования институциональной структуры и последовательность этапов его реализации могут способствовать успеху демократического перехода, трансформируя общественно-политические настроения и усиливая тем самым поддержку политической системы «новой демократии».

Ключевым институциональным компонентом любой демократической политической системы, безусловно, являются выборы, обеспечивающие представительство политических интересов различных социальных групп, гарантирующие конкурентный отбор альтернативных программ развития общества, наделяющие легитимной властью государственных деятелей и структуры государственного управления. Однако характер решения этих задач, стоящих перед выборами как институтом, во многом определяется типом действующей избирательной системы, активно влияющей как на развитие политических партий и конфигурацию партийных систем, так и на функционирование учрежденных конституциями форм правления. Как показала история «волн демократизации», особенности избирательной системы могут иметь существенные последствия для политической ситуации в обществе, способствуя наращиванию либо сдерживанию остроты борьбы за власть, усиливая позиции законодательных собраний, либо органов исполнительной власти, укрепляя чувства национальной идентичности, либо раскалывая страну на конфликтующие этнополитические сообщества. Поэтому для любой демократии выбор избирательной системы был и остается одним из наиболее важных институциональных решений. Часто этот выбор носил случайный характер, не являясь результатом разработки избирательного закона строго в соответствии с имеющимися историческими, социальными и культурными условиями. «Тем не менее, общепризнано, — отмечается в материалах Международного института демократии и содействия выборам, — что в большинстве случаев факт выбора избирательной системы в большей степени, чем другие, оказывает глубокое воздействие на политическую жизнь, однажды выбранная система имеет тенденцию к устойчивости, в то время как политические интересы организуются для извлечения из нее преимуществ» [16].

Действительно, именно выбор избирательной системы призван разрешить главную дилемму любой демократической системы правления — представительность или стабильность власти, влиятельный парламент или сильное правительство. Так, расширение представительности и влиятельности законодательного собрания возможно за счет использования пропорциональной избирательной системы с низким электоральным барьером в многомандатных округах, способствующей увеличению числа политических партий, становлению многопартийной системы и формированию зависимого от парламентского большинства коалиционного правительства.

Напротив, повышение сплоченности и эффективности исполнительной власти может быть достигнуто с применением плюральной избирательной системы в одномандатных округах, способствующей сокращению числа политических партий, возникновению двухпартийной системы и созданию однопартийного правительства, способного жестко контролировать действия парламентского большинства. С выбором плюральной или пропорциональной избирательной системы во многом связано существование двух различных типов демократического режима, описанных А. Лейпхартом как мажоритарная и консенсусная модели демократии. Между этими альтернативными моделями располагается ряд демократий смешанного типа, комбинирующих в разных сочетаниях принципы большинства и пропорциональности с целью повышения эффективности власти либо ее представительности в зависимости от исторических обстоятельств и особенностей политико-культурного контекста.

В «старых демократиях» разрешение отмеченной дилеммы было подчинено логике процесса политической модернизации, особенностью которого во многих из них являлись длительность и постепенность. Поэтому рост политического участия за счет расширения круга избирателей через поэтапную отмену имущественного ценза, в ряде случаев перехода от принципа большинства к пропорциональному принципу формирования парламента, допускался с учетом степени укоренения в обществе культуры конкурентной политики, строящейся на вере в то, что издержки терпимости по отношению к политическим противникам не превышают цену их подавления. Как утверждал Р. Даль «...система взаимной безопасности и терпимости с большей вероятностью разовьется в небольших элитарных группах, имеющих схожее представление о будущем, чем среди обширной и неоднородной группы лидеров, представляющих различные социальные слои с многообразием целей, интересов и мировоззрений» [5]. Показательным в этом смысле является пример Великобритании. В результате ряда последовательных реформ британского избирательного законодательства электорат расширился с 20% мужского населения в 1832 г. до 32% в 1867 г., 56% в 1885 г., 100% в 1918 г., а в 1928 г. избирательные права получили женщины [6]. Во многом схожим путем шло развитие избирательного законодательства в XIX в. — начале XX в. в США, в британских доминионах Канаде и Австралии, а также в скандинавских странах, за исключением Финляндии. Во всех отмеченных случаях постепенность включения в политический процесс

новых участников не провоцировала ослабления правительственного механизма, вместе с тем отвечала усиливающемуся, по мере повышения степени секулярности культуры, стремлению общества к политическому участию. Именно эта историческая последовательность, когда либерализация политического процесса предшествовала его открытости, обеспечила устойчивое функционирование политических режимов стран «первой волны» демократизации на протяжении XX в.

Дилемма «представительность или стабильность власти» встала и перед «новыми демократиями». С одной стороны, переход к демократии означал открытие каналов массового политического участия и обеспечение гарантий широкого представительства всех групп населения, в том числе меньшинства в законодательном собрании, способном стоять на страже интересов общества. С другой стороны, острота социально-экономических проблем, с которой столкнулось большинство стран на пути демократизации, требовала поддержания политической стабильности как условия реализации сильной исполнительной властью курса на повышение эффективности и конкурентоспособности национальных экономических систем. Однако в отличие от демократических режимов XIX в. — начала XX в. «новым демократиям» пришлось решать эти две задачи одновременно, так как прежние диктаторские режимы были не только политически авторитарными, но и нередко экономически неэффективными. В то же время прочно утвердившийся в качестве общепризнанной и повсеместной практики принцип всеобщего избирательного права заблокировал для «новых демократий» возможность применения стратегии «сначала либерализация режима, а затем его открытие». Как подчеркивал Р. Даль, указывая на проблемы преобразования гегемонистского режима в полиархию, «процесс либерализации «почти гегемоний» поджидает серьезная опасность провала, поскольку в условиях всеобщего избирательного права и массовой политики возникают трудности с функционированием системы взаимной безопасности» [5]. Учитывая данные обстоятельства, можно утверждать, что в «новых демократиях» электоральная инженерия приобретает особое значение как средство регулирования политического процесса с целью поддержания баланса между представительностью и стабильностью власти. К тому же именно избирательная система, по известному выражению Дж. Сартори, является наиболее легко манипулируемым компонентом политической системы. Ведь если для изменения формы правления или формы политико-террито-

риального устройства требуется одобрение в парламенте поправок к конституции квалифицированным большинством голосов, а в ряде случаев и проведение референдума, то избирательный закон может быть изменен простым большинством голосов членов парламента. Хотя преувеличивать легкость реформирования избирательной системы не стоит, так как действующие правила избирательного процесса выгодны партийным элитам, контролирующим парламентское большинство. Как справедливо отмечают Р. Таагепера и М. Шугарт «...абсолютной свободы в выборе избирательных систем не существует, свобода в данном случае ограничена местными политическими условиями и традициями» [7]. Однако выбор избирательной системы – не самоцель, а способ конструирования партийной системы, тип которой оказывает существенное влияние на соотношение и характер взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей государственной власти.

Изучение влияния избирательного законодательства на политический процесс всегда было одним из главных направлений исследования проблем функционирования политических режимов «старой демократии», теоретическую основу которого в начале 1950-х гг. заложил М. Дюверже, сформулировав свои знаменитые «электоральные законы». «Общую взаимосвязь способа голосования и системы партий можно выразить в трех следующих формулах, – писал он, – режим пропорционального представительства ведет к многопартийной системе с жесткими, независимыми и стабильными партиями, <...> мажоритарное голосование в два тура ведет к многопартийной системе, партии которой характеризуются «мягкой» структурой, склонностью к альянсам и относительной стабильностью, <...> мажоритарное голосование в один тур ведет к дуалистической системе с чередованием у власти больших независимых партий» [8]. Различия политических последствий применения той или иной избирательно формулы объяснялись автором действием как механических, так и психологических факторов. С одной стороны, каждая избирательная система, являясь способом определения результатов голосования, предусматривает свою техническую процедуру перевода полученных на выборах голосов избирателей в депутатские мандаты. С другой стороны, каждая избирательная система как политическая игра со своими преимуществами и издержками, стимулирует выбор стратегии электорального поведения избирателями, кандидатами и партиями в соответствии с предложенными правилами игры. При этом М. Дюверже подчеркивал, что выделенные им базовые

тенденции имеют характер общих ориентиров, открыв возможность дальнейшей теоретической интерпретации темы взаимозависимости избирательных и партийных систем.

Существенным дополнением концепции М. Дюверже стало исследование политических последствий избирательных законов, предпринятое в начале 1970-х гг. Д. Рейем. Отмечая значимую роль величины избирательного округа в деле фракционализации и дефракционализации политического поля, автор указывал на то, что, независимо от типа применяемой избирательной системы, большое число разыгрываемых в округе мандатов всегда усиливает пропорциональность результатов голосования, а использование одномандатных округов, напротив, способствует их диспропорциональности. Поэтому там, где величина избирательных округов стимулирует фракционализацию, нередко возникает многопартийность, а двухпартийность, как правило, связана с применением избирательных округов, величина которых содействует дефракционализации. Таким образом, изменение величины избирательных округов представляет собой не менее важный инструмент электоральной инженерии, чем выбор типа избирательной системы. «Политическое искусство, – заметил по этому поводу Д. Рей, – может способствовать укреплению или ослаблению дефракционализации посредством манипуляции институциональными переменными: избирательными формулами или представительностью избирательного округа» [9]. Предложенные М. Дюверже «электоральные законы» были уточнены Дж. Сартори в конце 1980-х гг. в виде так называемых четырех правил. По его мнению, плюральная избирательная система не предопределяет становление двухпартийности, скорее, содействует сохранению партийного дуализма, уже сложившегося в силу историко-культурных предпосылок. Тем не менее применение плюральной избирательной системы в ходе длительного периода может способствовать формированию двухпартийности, но только при наличии структурированной партийной системы и в условиях относительно равномерного распределения по избирательным округам электоральной поддержки двух ведущих партий. При выраженных расовых, лингвистических, идеологических, политических субкультурах и концентрации соответствующих меньшинств в отдельных округах, шансов на возникновение двухпартийности нет при любой избирательной системе. Что касается политических последствий применения пропорциональной избирательной системы, то степень проявления ее «умножающего эффекта», по мнению

Дж. Сартори, зависит не только от высоты заградительного барьера, но и от величины избирательных округов: чем она меньше, тем слабее действие «умножающего эффекта», так как больше отсекаются партии, чей электорат рассредоточен по разным округам, и наоборот.

Исходя из классической теории взаимосвязи избирательных и партийных систем, можно сформулировать ряд гипотез относительно влияния избирательного законодательства на политический процесс в «новых демократиях». Прежде всего, следует напомнить, что основным институциональным фактором, определяющим последовательность и успех демократического перехода, являются сильные и дееспособные партии как главные каналы политического представительства и в то же время как важные агенты политической социализации. Как заметил по этому поводу Г. Алмонд, «выборы могут служить общенациональными уроками гражданского воспитания, где учителями являются партии» [4]. В плане решения задачи институционализации политических партий наименее предпочтительной выглядит плюральная избирательная система, вынуждающая избирателя голосовать за индивидуальных кандидатов, а не за альтернативные партийно-политические программы. В этих условиях неизбежно ослабляется и без того неустойчивая партийная идентификация «новых» избирателей и расшатывается организационная структура партий. Принадлежность индивидуального кандидата к партии обесценивается так, как порой препятствует расширению его электората, отталкивая избирателей, не определившихся в своем выборе. Сдерживая развитие партий, плюральная система может отодвинуть на второй план обсуждение действительно важных для общества проблем, подменив содержательную предвыборную политическую дискуссию риторикой по поводу личных качеств кандидатов.

Столь же негативное воздействие на процесс становления структурированных партийных систем оказывает и мажоритарная двухтуровая избирательная система. При ее использовании продолжает сохраняться персонифицированное голосование со всеми отмеченными издержками. Главная проблема заключается в том, что необходимость создания электоральных блоков накануне второго тура с целью выдвижения совместных кандидатов толкает партии к ослаблению внутренней дисциплины и к снижению идеологической определенности политических программ в надежде усилить свой «коалиционный потенциал». Совершенно иными являются результаты применения пропорциональной избирательной

системы, так как основными участниками избирательной кампании становятся партии, а не индивидуальные кандидаты. Необходимость выбора между партийными программами способствует структурированию общественно-политического мнения, формированию устойчивой партийной идентификации избирателей, что в целом благоприпятствует распространению и укоренению гражданской политической культуры. Вместе с тем предусмотренное пропорциональной системой голосование по партийным спискам и необходимость преодоления избирательного барьера вынуждают партии укреплять свою организационную структуру и внутреннюю дисциплину в целях успешной мобилизации своего электората в многомандатных округах. При этом, действительно, утрачивается связь между избирателем и кандидатом, которая традиционно рассматривается как достоинство плюральной и мажоритарной избирательных систем с точки зрения вовлечения общества в процесс демократического контроля деятельности органов государственной власти. Однако позитивное влияние пропорциональной системы на процесс институционализации политических партий представляется более весомым фактором успешной демократизации поставлоритарных и посткоммунистических политических режимов. К тому же использование пропорциональной системы с избирательными округами небольшой величины позволяет ослабить эффект деперсонификации выбора, предоставляя избирателям возможность поддержать ту или иную партию, голосуя за известных им ее местных кандидатов.

Спрос на применения пропорциональной избирательной системы в демократизирующихся странах обусловлен и тем, что она в наибольшей степени отвечает цели создания ответственного, представительного правления как основы политической демократии. К тому же подавляющая часть «новых демократий», это весьма неоднородные общества, разделенные линиями социальных и социокультурных размежеваний, что достаточно остро ставит вопрос учета социально-политического «веса» каждой субкультуры при формировании законодательных и исполнительных органов государственной власти. В связи с этим следует согласиться с экспертами Международного института демократии и содействия выборам в том, что «...в новых демократиях и в особенности в тех, которые отмечены глубокими социальными разломами, представительство всех групп в парламенте — это едва ли не важнейшее условие консолидации демократического режима» [17]. Что касается плюральной избирательной системы,

то она видится как абсолютно неприемлемая для решения задачи обеспечения ответственного и представительного правления в неоднородных обществах. Как известно, основная критика в адрес этой избирательной системы связана с присущей ей диспропорциональностью результатов голосования. Нежелательным правилом плюральной системы всегда являлось завышение представительства крупных партий в парламенте за счет того, что голоса, поданные за кандидатов средних и малых партий, при голосовании по принципу большинства в один тур чаще всего пропадают. Поэтому ее применение в многосоставных обществах неизбежно ведет к углублению раскола между доминирующими политическими субкультурами, представители которых постоянно контролируют законодательный процесс и направляют деятельность исполнительной власти и политическими субкультурами меньшинств, представители которых постоянно отсекаются от участия в выработке политического курса. Конечно, в ситуации компактного проживания меньшинств в отдельных избирательных округах им все же удается проводить в парламент небольшое число своих депутатов. Однако в условиях рассредоточения меньшинств по территории страны у них практически нет шансов на получение парламентского представительства. При мажоритарной двухтуровой избирательной системе проблема диспропорциональности результатов выборов усугубляется межпартийными альянсами, заключаемыми накануне второго тура голосования. Так, анализируя в сравнительном плане проявления деформаций общественного мнения избирательными системами большинства, М. Дюверже подчеркивал, что при двухтуровом голосовании «...с учетом их направленности они могут быть оценены даже как более серьезные, ибо размах разрыва менее важен, чем его направленность» [8]. Иными словами, неадекватность представительства при мажоритарной двухтуровой системе приобретает не только количественное, но и качественное измерение, способствуя дезориентации электората, обострению межгрупповых политических отношений, в итоге — утрате доверия к институтам демократической власти.

Выбор пропорциональной избирательной системы оправдан и в плане преодоления кризиса национальной идентичности, характерного для многих демократизирующихся обществ. Как считают Х. Линц и А. Степан, консолидированная демократия это, прежде всего, политическая ситуация, «...когда ни одна значительная политическая группа не предпринимает серьезной попытки свергнуть демокра-

тический режим или отделиться от государства» [10]. Посткоммунистические страны сталкиваются с кризисом национальной идентичности в силу того, что уход в прошлое мобилизационной идеологии предшествующего диктаторского режима сопровождается возникновением ценностного вакуума в общественном сознании, прежде всего как ощущения потери связующей социум национальной идеи. В поставторитарных странах неразвитость чувств национального единства, как правило, есть реакция общества на насильственное подавление предшествующим диктаторским режимом любого политического протеста на этнической либо региональной основе. В этих условиях пропорциональная система, открывающая возможность большинству локальных политических сил быть услышанными на общенациональном уровне за счет преодоления относительно невысокого избирательного барьера, безусловно, может содействовать развитию национально-государственного компонента политической культуры. На эту тенденцию обращал внимание и М. Дюверже, касаясь эволюции политической культуры таких многосоставных стран, как Нидерланды, Швейцария и Бельгия. «Можно таким образом отметить, — писал он, — в странах, где система пропорционального представительства сменила мажоритарный режим, нечто вроде прогрессивной «национализации» взглядов и партий» [8]. Напротив, голосование по принципу большинства и особенно в один тур, концентрирующее внимание избирателей на локальных проблемах, поднимаемых в ходе электоральной кампании, лишь усиливает региональную политическую идентичность, опасную в переходных обществах активизацией сепаратистских настроений. Таким образом, с теоретической точки зрения пропорциональная избирательная система, способствующая укреплению как представительности партийного правления, так и национального единства, выглядит наиболее предпочтительной для решения задачи консолидации «новых демократий». Бесспорно, ее «умножающий эффект» является фактором снижения стабильности правления, усложняя процесс принятия правительственных решений в сфере социально-экономической политики необходимостью согласования различных позиций и поиска компромиссов. Однако не стоит преувеличивать степень этой угрозы, так как применение умеренно высокого избирательного барьера и использование многомандатных округов средней величины способны воспрепятствовать значительному дроблению партийного спектра, не ставя в то же время под сомнение главное — механизм реального влияния гражданского общества на процесс обу-

ждения, принятия и реализации политического курса.

Пути развития демократического перехода в посткоммунистических странах Европы и Азии в основном подтверждают выдвинутое предположение о влиянии типа избирательной системы на динамику процесса консолидации «новых демократий». Подсчет среднего балла ФНИ для каждой из 25 стран этой группы по данным за период 2002–2012 гг. показал, что 12 из них могут быть отнесены к категории свободных, 8 – частично свободных, 5 – несвободных³. Среди свободных стран, к числу которых относятся Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Монголия, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония, пропорциональная система с партийными списками использовалась в девяти, смешанная система, сочетающая пропорциональный и мажоритарный принципы представительства, – в двух, мажоритарная двухтуровая система – только в одной стране. В частично свободных странах, таких как Албания, Армения, Грузия, Киргизстан, Македония, Молдова, Россия, Украина пропорциональная система с партийными списками применялась только в одной стране, в пяти – действовала смешанная система, а в двух – мажоритарная двухтуровая система. Во всех несвободных странах – Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан – использовалась мажоритарная двухтуровая система [4]. Применения плюральной избирательной системы в отмеченный период в этой группе стран не зафиксировано. Таким образом, как следует из приведенных данных, между формированием парламента на основе пропорциональной системы с партийными списками и устойчивой демократизацией, действительно, существует значительная положительная корреляция. Выявленная зависимость обнаруживается между применением смешанной системы и неустойчивой демократизацией. Прямая зависимость наблюдается между использованием на парламентских выборах мажоритарной двухтуровой системы и неудавшейся демократизацией.

Обращаясь к объяснению выявленных тенденций, следует подчеркнуть, что влияние избирательной системы на развитие политического процесса находит свое выражение, прежде всего, в той роли, которую играет в выработке государственного курса парламент, формируемый на партийной основе. При демократии законодательному собранию формально отводится наиважнейшее место в системе

правления как органу, представляющему общество в целом и осуществляющему контроль в отношении исполнительной власти с целью обеспечить подотчетное этому обществу государственное управление. Поэтому именно степень реального воздействия парламента на определение государственного курса является одним из главных показателей демократичности политического режима. Удобным средством измерения политической влиятельности законодательного собрания может служить индекс власти парламента (Parliamentary Power Index – PPI), разработанный американскими политологами С. Фишем и М. Кренигом для каждой страны мира в результате широкого исследования современных государственных систем. Баллы индекса располагаются авторами в пределах от 0 (парламент не обладает властью) до 1 (вся власть у парламента). Предпринятый в дальнейшем С. Фишем анализ взаимосвязи силы законодательных собраний и масштабов демократизации на примере посткоммунистических стран выявил наличие значительной положительной корреляции между индексом власти парламента (PPI) и индексом политических прав и гражданских свобод (ФНИ): чем сильнее парламент, тем выше степень укоренения демократии, и наоборот. «Сила национальной легислатуры, – отмечает в заключении автор, – вероятно, либо даже на самом деле является институциональным ключом к демократизации» [12].

Действительно, расчет среднего балла PPI с использованием данных С. Фиша и М. Кренига для 25 рассматриваемых посткоммунистических государств показывает, что в первое десятилетие XXI в. в свободных странах он составил 0,76, в частично свободных – 0,62, а в несвободных – 0,33 [18]. Следовательно, степень ограничения исполнительной власти влиянием законодательного собрания как показатель открытости политической системы может рассматриваться как один из существенных институциональных факторов, определяющих успех процесса демократизации. В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько укреплению либо ослаблению парламента способствует тип применяемой избирательной системы? Расчет среднего балла PPI на основе данных С. Фиша и М. Кренига по группам посткоммунистических стран, использовавших разные типы избирательной системы, демонстрирует отчетливую тенденцию снижения силы парламента по мере ограничения действия принципа пропорциональности при формировании законодательного собрания. В первое десятилетие XXI в. в десяти посткоммунистических государствах, применявших пропорциональную систему с пар-

³ Freedom House <https://www.freedomhouse.org>

тийными списками, средний балл РРІ составил 0,75, в семи, использовавших смешанную систему, — 0,63, в восьми, где действовала мажоритарная двухтуровая система, — 0,47 [18].

Как видно из приведенных расчетов, показатели среднего балла РРІ практически полностью совпадают в паре «свободная страна — пропорциональная система» с партийными списками (0,76—0,75), в паре «частично свободная страна — смешанная система» (0,62—0,63), а в паре «несвободная страна — мажоритарная двухтуровая система» наблюдается близость этих показателей (0,33—0,47). Таким образом, предположение о заметном влиянии типа избирательной системы на динамику и последовательность демократического перехода находит свое подтверждение. Можно утверждать, что в тех посткоммунистических странах, где правящие элиты делали выбор в пользу пропорциональной системы с партийными списками, гражданское общество получало мощный стимул для своего структурного и культурного политического развития. Становление эффективно действующих партий и, как следствие, сильных парламентов, способных контролировать и ограничивать исполнительную власть, укрепляло веру граждан в свою политическую влиятельность как избирателей, расширяя культурно обусловленный спрос на свободу. В результате преимущественно утилитарные мотивы поддержки демократического режима, изначально типичные для всех посткоммунистических обществ, последовательно и достаточно быстро вытеснялись преимущественно принципиальными мотивами, придавая демократизации устойчивый характер. В тех посткоммунистических странах, где правящие элиты предпочитали использовать для формирования парламента смешанную систему, отмеченные структурные и культурные политические изменения гражданского общества проявлялись ограниченно и фрагментарно, что в немалой степени определило неустойчивый характер демократизации. Так, применение мажоритарного принципа в сочетании с одномандатными округами для избрания значительной части депутатского корпуса сыграло, по видимому, сдерживающую роль в процессе политического взросления «новых» избирателей, сохраняя в массовом сознании унаследованное от предшествующего мобилизационно-идеологического режима представление о политике как деятельности харизматических лидеров, а не ответственных перед обществом политических институтов.

В то же время использование мажоритарного принципа, тормозящего развитие партийного плюрализма, благоприпятствовало формированию пар-

тийной системы с присутствием доминирующей партии и ограничению влияния оппозиции. Ведь опираясь на разветвленную сеть своих местных организаций, бюрократическая «партия власти» получала возможность дополнительно расширить свое парламентское представительство за счет побед в значительном числе одномандатных округов. В свою очередь, применение высоких электоральных барьеров при выборе части депутатов на основе пропорционального принципа заметно ограничивало возможности небольших оппозиционных партий получить представительство в парламенте.

Поэтому результатом применения смешанных избирательных систем стали, как правило, контролируемые исполнительной властью парламенты, обладающие незначительным влиянием на процесс выработки политического курса и в большинстве случаев лишь реагирующие на инициативы президента и правительства. Выбор правящими элитами посткоммунистических стран для формирования парламента мажоритарной двухтуровой системы фактически блокировал процесс структурного и культурного политического развития гражданского общества, предопределив неудачу демократизации. Ведь в условиях, когда каналы прямого политического представительства различных социальных групп за счет использования электорального принципа пропорциональности оказались закрытыми, возникшие в ходе кризиса и распада тоталитарных режимов демократические общественные движения имели мало шансов трансформироваться в эффективные партии. В то же время исключительно персонифицированное голосование препятствовало укреплению гражданского сознания «новых» избирателей как способности к адекватному восприятию и рациональной оценке политических альтернатив развития общества. В совокупности эти два фактора благоприпятствовали, с одной стороны, усилению позиций президентов, опирающихся на бюрократически сформированные сверхдоминирующие партии, а с другой стороны, превращению парламентов в учреждения, полностью подчиненные исполнительной власти и лишь законодательно оформляющие принятые ею решения, что, безусловно, является признаком авторитарности. Выявленная зависимость типа избирательной системы и успеха процесса демократизации в целом согласуется с позицией А. Лейпхарта о том, что наилучшей конституционной альтернативой для стран «новой демократии» является парламентская форма правления с системой пропорционального представительства. По его мнению, «...везде, где обнаруживаются значительные

различия, парламентско-пропорционалистские системы почти неизменно показывают наилучшие результаты, особенно в отношении представительности, защиты меньшинств, активности избирателей и контроля над безработицей» [13].

Констатируя безусловную значимость типа избирательной системы как фактора, влияющего на результаты демократических переходов, следует подчеркнуть, что сам выбор избирательной системы и степень ее воздействия на процесс консолидации «новых демократий» всегда являлись отражением специфики политических культур демократизирующихся стран. Как отмечают Р. Инглхарт и К. Вельцель, «...значительное продвижение по демократическому пути произошло лишь в тех странах, где спрос на свободу превышал предложение, кроме того, практически ни в одном из государств, где этот спрос превышал предложение, не произошло существенного отката от демократии» [14]. Прежде всего, существовавший к началу демократических переходов определенный уровень общественного спроса на свободу как результат предшествовавшего социально-экономического и политического развития стран «третьей волны» определил расстановку сил в политических элитах между сторонниками и противниками диктатуры. Сравнительный анализ политических трансформаций в посткоммунистических странах показывает наличие значительной положительной корреляции между уровнем влияния демократической оппозиции и степенью пропорциональности принятой избирательной системы: чем сильнее были политические противники тоталитаризма, тем более был выражен в избирательной системе принцип пропорциональности представительства, и наоборот. Так, вполне закономерным с точки зрения преобладающих ценностных ориентаций выглядит выбор пропорциональной избирательной системы с партийными списками большинством посткоммунистических стран, где культурные традиции западного христианства исторически заложили основы структурированного гражданского общества и уважения к индивидуальным правам. Столь же культурно обусловленным можно считать выбор смешанной избирательной системы большинством православных посткоммунистических стран, в ко-

торых более низкие показатели автономии гражданского общества и массовой веры в самоценность прав и свобод личности стали отчасти проявлением этого религиозного наследия. Принятие же большинством мусульманских посткоммунистических стран мажоритарной двухтуровой избирательной системы свидетельствовало о низкой культурной готовности граждан к демократическому политическому участию, что можно рассматривать как проявление ограничивающего влияния исламской традиции на процесс развития институтов светского гражданского общества. Вместе с тем следует признать, что эффект воздействия избирательных систем на консолидацию «новых демократий» также корректировался тем политико-культурным контекстом, в котором они применялись. Например, такие страны, как Венгрия и Литва в 2002–2012 гг. сохраняли статус свободных, несмотря на то, что с начала своего образования эти демократические государства использовали смешанную систему. В то же время Молдова, применявшая пропорциональную систему с партийными списками, продолжала оставаться в статусе частично свободной страны в 2002–2012 гг. Использование мажоритарной двухтуровой системы не помешало Монголии обладать статусом свободной страны, а Македонии – частично свободной страны в период 2002–2012 гг.⁴

Таким образом, можно утверждать, что выбор типа избирательной системы играл существенную роль в деле консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах, стимулируя или сдерживая развитие гражданской политической культуры, усиливая или ослабляя систему партийного представительства, укрепляя либо ограничивая влияние парламентов на процесс выработки политического курса. В то же время не следует оценивать эту роль в детерминистском духе, так как социализирующее воздействие используемой избирательной системы всегда зависело от сложившейся политической культуры общества.

⁴ Parliamentary powers index scores by country, in alphabetical order // Steven Fish and Matthew Kroenig, *The Handbook of National legislatures: A Global survey*. New York, Cambridge University Press. 2009. www.polisci.berkeley.edu

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – С. 93.
2. Фиш С. Неудавшаяся демократизация // Демократизация [Текст]: учебное пособие / С. Фиш С., Дж. Виттенберг; сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 426–430.

3. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита [Текст] / Т. Карозерс // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 60.
4. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор [Текст]: учебное пособие / Г. Алмонд [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 104.
5. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция [Текст] / Р. Даль. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – С.46.
6. Современные избирательные системы [Текст] / Вып. 1. Великобритания, Канада, Мексика, Польша. – М.:РЦОИТ: Норма. 2006. – С. 23–26.
7. Таагепера Р. Описание избирательных систем [Текст] / Р. Таагепера, М. Шугарт // Политические исследования. – 1997. – № 3. – С. 116.
8. Дюверже М. Политические партии [Текст] / М. Дюверже. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 265.
9. Теория и практика демократии [Текст]: избранные тексты. – М.: Ладомир, 2006. – С. 291, 292.
10. Linz J. & Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. The Johns Hopkins University Press. Baltimore and London., 1996. P. 5.
12. Fish S. Stronger legislatures, stronger democracies // Journal of Democracy. Vol. 17, № 1. 2006. P. 18. www.journalofdemocracy.org
13. Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий [Текст] / А. Лейпхарт // Политические исследования. – 1995. – № 2. – С. –143.
14. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития [Текст] / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – С. 277.
15. Шмиттер Ф. Более либеральная, предлиберальная или постлиберальная? [Электронный ресурс] / Ф. Шмиттер. – <http://www.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm>
16. La conception des systemes electoraux. Un manuel de International IDEA. – Andrew Reynolds et Ben Reilly. Edition française, 2002. P. 1. PDF. www.eods.eu
17. La conception des systemes electoraux. Un manuel de International IDEA. – Andrew Reynolds et Ben Reilly. Edition française, 2002. P. 63. PDF. www.eods.eu
18. Parliamentary powers index scores by country, in alphabetical order // Steven Fish and Matthew Kroenig, The Handbook of National legislatures: A Global survey. New York, Cambridge University Press. 2009. www.polisci.berkeley.edu

REFERENCES

1. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST: ZAO NPP «Ermak» Publ., 2004, p. 93.
2. Fish S., Vittenberg Dzh. Neudavshayasya demokratizatsiya [Failed Democratization]. *Demokratizatsiya* [Democratization]. Moscow, Vysshya shkola ekonomiki Publ., 2015, pp.426–430.
3. Karozers T. Konets paradigmy tranzita [End transit paradigm]. *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2003, I. 2, p. 60.
4. Almond G., Pauell Dzh., Strom K., Dalton R. *Sravnitel'naya politologiya segodnya: Mirovoy obzor* [Comparative Politics Today: World Survey]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002, p.104.
5. Dal' R. *Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya* [polyarchy: Participation and Opposition]. Moscow, Gos. un-t Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2010, p.46.
6. *Sovremennye izbiratel'nye sistemy. Velikobritaniya, Kanada, Meksika, Pol'sha* [Modern electoral systems]. Moscow, RTsOIT: Norma Publ., 2006, pp. 23–26.
7. Taagepera R., Shugart M. Opisanie izbiratel'nykh sistem [Shugart Description Election Systems]. *Politicheskije issledovaniya* [Political researches]. 1997, I. 3, p. 116.
8. Dyuverzhe M. *Politicheskije partii* [Political parties]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2002, p. 265.
9. *Teoriya i praktika demokratii. Izbrannye teksty* [The theory and practice of democracy. Selected texts]. Moscow, Ladomir Publ., 2006, pp. 291–292.
10. Linz J.&Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe.The Johns Hopkins University Press. Baltimore and London., 1996.P.5.
12. Fish S. Stronger legislatures, stronger democracies // Journal of Democracy/ Vol. 17, №1 2006. P.18. Available at: www.journalofdemocracy.org
13. Leypkhart A. Konstitutsionnye al'ternativy dlya novykh demokratii [Constitutional alternatives for new democracies]. *Politicheskije issledovaniya* [Political researches]. 1995, I. 2, p. 143.

14. Inglehart R., Vel'tsel' K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy. The sequence of human development]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, p. 277.
15. Shmitter F. *Bolee liberal'naya, predliberal'naya ili postliberal'naya?* [more liberal predliberalnaya or post-liberal?]. Available at: <http://www.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm>
16. La conception des systemeselectoraux. Un manuel de International IDEA. – Andrew Reynolds et Ben Reilly. Editionfrancaise, 2002. P. 1. PDF. www.eods.eu
17. La conception des systemeselectoraux. Un manuel de International IDEA. – Andrew Reynolds et Ben Reilly. Editionfrancaise, 2002. P. 63. PDF. www.eods.eu
18. Parliamentary powers index scores by country, in alphabetical order // Steven Fish and Matthew Kroenig, *The Handbook of National legislatures: A Global survey*. New York, CambridgeUniversityPress. 2009. www.polisci.berkeley.edu